

Огненная шевелюра свечи в головокружительном танце дергалась над раскрытой картой территории. Толстые и тонкие морщины местности складывались в горные пики, бездонные озера и бесконечный океан у ближайшего северного побережья. И в свете мерцающего пламени неточная карта становилась более размытой.

— Беда на мою голову. — Я старался выискать среди блеклого холста лучший из вариантов. Каких? Сам не определился, но ответ на сокрытый вопрос должен вот-вот выпрыгнуть. — И что я пытаюсь сделать? Совсем скоро начнутся заморозки, у нас нет ни еды, ни жилья для будущего пополнения. Кажется, этот год станет первым и последним для моего правления.

Да, на подобное я не рассчитывал.

Дело заключалось в обычном запасе продовольствия, которого не хватит не то, что на гноллов, но и даже на основное население замка. А все потому, что именно гноллы виноваты в упадническом состоянии цитадели. Не было бы нападения, ситуация складывалась бы иначе.

Но унывать не пристало, не то что лорду, даже обычному человеку! А уж с высоты власти подобное и вовсе запрещалось.

За прошедший день в изысканиях я нашел несколько вариантов решения проблемы. А с помощью писаря они сжались до двух. Первый и самый простой — воспользоваться ресурсами Цитадели. Правда, подводный камень... Да куда уж там, айсберг крылся в сути решения проблемы. И он мне не нравился.

Второй метод пополнения продовольствия был менее опасным, но оттого более сложным. Торговля с соседними территориями избавит наше лордства от голода на сезон, но проблемой становилось нечто иное. Отсутствие платежной валюты — внутрисистемное золото Цитадели не в счет — накладывало определенные рамки на стратегические маневры в добыче ресурсов. А еда нужна была еще вчера...

Потому я вернулся к первому варианту, заведомо более опасному.

Почему бы просто не воспользоваться ресурсами Цитадели? Разве это не упрощает развитие государства, наем армии, рост населения?

Отнюдь.

Ресурсы Цитадели на то и ресурсы, что их надо накапливать и исчерпывать. А это, в свою очередь, не всегда получается. Разве приятно убивать врага у стен дома? Нет. А несчастных жертв обстоятельств? Никто в здравом уме не будет тащить разумных агнцев на гибель, только чтобы получить побольше дармовой энергии.

Но не моральная сторона вопроса отвращает меня от действия. А секретность.

Проще говоря, защита Матери Бездны держится на одном слове. Ни один из жителей цитадели не справится с реальным противником, жаждущим силы феномена зерна вселенной. Или ядра... Как ни назови, заключенная в кристалл девушка — единственное существо, сдерживающее ужасающую мощь в одной точке.

«В руках Матери Бездны мое будущее. И не только мое.» — Писарь уже не раз рассказывал, что безопасность девушки превыше всего. А использование ресурсов Цитадели тем способом, который спасет нас от голода, раскроет всем наше местоположение.

Кроме создателя Цитадели, этот тип точно знает, где мы.

Итак, есть два варианта. Использовать Рынок, связывающий другие миры, где торгуют такие же лорды. Или же начать торговлю в этом мире, раскрывая врагу наше бедствующее положение. Сомневаюсь, что информация не пройдет через третьи уши о голодающих жителях цитадели у северной части острова. Раз баронство отправило сюда рыцаря, то отправит вновь, когда узнает о его гибели.

Как хорошо, что мои заикленные рассуждения разбились о стук в дверь.

Из коридора донеслось:

— Ваша Светлость, к вам прибыла гостья.

Леса острова всегда наполнились дичью. Никогда еще гноллы не знавали печали, их не терзал голод, а дети каждый цикл грелись в теплых шкурах дичи. Рагрири помнила те времена. И их же провожала перед тем, как в племени сменился вождь.

Ее будущий самец оказался жестоким гноллом. Собранный в его теле энергия и сила пошла не на добрые для племени дела, а на захват власти. И он добился главенства, убив прежнего вождя — отца Рагрири. А после он овладел ею, вопреки воле старейшин.

Два года супружеского плена раскаленными решетками впивались в сознание гноллихи. Неугомонный вождь контролировал все, до чего дотягивались кривые когти. По его слову дочь прошлого вождя заперли в отдельной хижине, откуда самка не могла сбежать. Через хлипкие стены приходило слишком мало информации, чтобы ориентироваться в происходящем. Рагрири отрезали от общества семьи и племени.

Племя исхудало: самцы возвращались с охоты с потерями, самки недоедали, а дети гибли в ранее благодатном лесу, где развелись хищники. Вождь был непреклонен — смерть слабых делает племя сильнее. Время показало, что сильнее никто, кроме отождествившегося гнолла, не становился.

И потому весть о поражении вождя в сражении с «облезлыми» окатила Рагрири сладким наслаждением. Уроду не помог даже пришлый великан. Уже на следующее утро ее выпустили из хижины, где в глазах отразился конец племени.

Более ждать она не могла.

Рагрири собрала всех молодых самок, выжившие дети под присмотром матерей уходили прочь из умирающего дома. Оставшиеся самцы пытались остановить беглецов, но их настигла единая волна из когтей и клыков. После демонстрации силы никто не препятствовал гноллинам, и они пошли в соседнее племя, где найдут новых мужей.

Дальнейшие события понеслись вскачь.

Никому не приходило в голову, что облезлые осмелятся в одиночку посещать лес. Однако, Рагрири не спешила отлавливать пришельцев. Миссия по спасению выживших легла на крепкие плечи гноллихи, она просто не могла подвергать остальных опасности. Да кто-то послушался приказа, погнавшись за облезлым с луком.

Пришельца не догнали, скорее всего он убежал к своим. Гноллиха уже тогда понимала — скоро за ними придут. И не прошло дня, как начался хаос. Потерявшиеся дети всполошили весь лагерь, тогда все самки рыскали в поисках детенышей. А нашли одного из них в лапах облезлого, закинувшего ребенка в мешок.

Оставленные в лагере дети и часть самок с надеждой наблюдали за отрядом погони. Рагрири вела остальных, она встала на острие ножа. Толпа безумных самок мелькала по лесным тропам, обгоняя молодняк. Лучшие из лучших выскочили из тенистой аллеи, догоняя пришельцев.

И когда они почти схватили самого медленного из них...

Дальнейшее пропало из памяти Рагрири. Единственное, что она помнила — страшный удар, после которого вязкая тьма раскинула сети на ее разум. Она канула в забвение.

Оттого странно видеть у клетки, где держали ее и других самок, пришельца в серой одежде. И еще страннее видеть вместо гладкой шерсти лысые руки...

— Повелитель ждет.

Незнакомец в окружении сородичей убрал ставни, выпуская Рагрири наружу. Девушка же медлила, голова разрывалась от вопросов. Она полностью нагая, без шерсти, застыла в проходе, осматривая себя. И лишь спустя секунду увидела глаза пришельцев, какие на нее ранее бросал чертов вожак.

— Не думаю, что тебе стоит так необдуманно дразнить мужчин. — Девушка с ужасом понимала, что это существо говорило на речи гноллов. Рычащие нотки получались у него до смеха жалкими, но само владение животной речью давило сердце к пяткам. — Тебя ждет мой господин. Пойдем.

На выходящую из клетки девушку упал сверток ткани. В легкой панике девушка случайно просунула голову в выданное тряпье, после чего она вновь увидела свет. Рагрири осторожно обошла облезлых самцов в похожей одежде, их искрящиеся глаза вызывали только грудной гнев живого сердца. Впрочем, дальше она пошла только с говорившим самцом.

— Ты привлекла внимание моего господина, кобольд. — Рагрири сбилась с шага. Как он ее назвал? — Поэтому, при встрече обдумывай слова, вылетающие с губ.

— Кто вы такие? Почему держите нас взаперти?! — Кобольд посчитала, что может задавать вопросы прямо сейчас. Но тут же встретила с жесткой реакцией.

Шлеп — молниеносная ладонь отвесила звонкий шлепок по заднице. От боли девушка по собачьи взвизгнула.

— В правила воспитания леди входит перво-наперво — молчание. Я не спрашивал у тебя ничего, поэтому ты должна молчать.

— Я по... — *Шлеп* — За что?!

— Леди должна быть проницательна. Молча следуй за мной.

Рагрири утопала в искрах внезапных мыслей и идей, она боролась с любопытством, а то, подобно растущему аппетиту пожара, съедало ее все сильнее. Странные хижины, огромный

странный камень, узкие проходы и жуткая возвышающаяся тропа. В ее зверином естестве мешались эмоции. Но в благородном гуманоидном мелькало удовольствие.

Ей нравилось исследовать необычное. А потому, когда незнакомец повел ее по ровному коридору, где пропустил ее через дверь, она рванула к странному предмету, не обращая внимания ни на кого вокруг.

Чем же ей ответило зеркало? Известно чем: отражением.

— Писарь. — Советник повернулся, игнорируя красотку. — Она мне нравится!

<http://tl.rulate.ru/book/53497/1394120>